

Моему сыну Нанни

*Но теперь я научился другому.
Мы излечимся, если будем лечить друг друга.*

ВЕРОНИКА РОТ

Пролог

*Палермо, 1376 год,
перед экзаменационной комиссией
под председательством Диенкелеле*

Вот и я.

Предстаю перед вашим судом, как мне было велено.
Предписание явиться на экзамен мне вручили на закате.
В час трех звезд.

Я стала нерасторопной, доброй половиной тела опираюсь на эту палку. Давно не девочка: кожа обвисла, волосы поблекли и поредели. Руки сжимают шерстяную нить.

Если вы приглядитесь, то увидите, что на мне простое платье, без кружев. А сверху я надела фартук из конопляной ткани, в котором каждый день пропалываю огород. Чистый, хоть и потертый: хранит следы долгой жизни.

Не хотелось бы затягивать. Мне сообщили, что экзамен должен начаться в третьем часу. И все же я прошу дать мне время.

Позвольте, я немного поскриплю воспоминаниями.

Понимаю, вам хотелось бы, чтобы все прошло быстро, у вас тут нет места для прошлого. Ваша забота — поскорее с этим разделаться.

Выпроводить нас.

Виджу, здесь много народа. В ваши планы не входило слушать историю. Вам предстоит оценить множество претендентов. Некоторые из них родом из окрестностей древнего Дрепана. У других хриплое произношение жителей Панормо. Третьи прибыли с другого конца государства в надежде получить от вас лицензию на врачевание. Среди них многие — из семей, которые занимаются врачеванием годами. Кое-кого сопровождает стряпчий или законовед, который должен подмечать недочеты процедуры.

В помещении царит тревога. Запах слюны, пота, ожидания. мех на плащах, в которые укутались студенты, дрожит, выдавая их страх. В руках зажаты смятые перчатки.

Понимаю, как вы устали. Понимаю, что вам хотелось бы, чтобы этот день поскорее закончился.

Но время не сократишь и не растянешь — нам лишь кажется, будто мы им управляем.

Нет, время не приручить, а если нам вдруг покажется, что это так, знайте, что оно просто дарит нам миг передышки.

Так что послушайте.

Забудьте о своих темных аккуратных мантиях. Забудьте о воротничках, кисточках августейшего ордена, о знаках отличия, о своих лаврах. Я знаю, что перевязь, красующаяся у вас на груди, дарована вам за ваши заслуги. И золотые подвески, красующиеся на ваших шеях, — подарки короля.

Вы мудрые и справедливые судьи. На вашей груди, точно солнца, сверкают медали. Я знаю.

И все же молчите. Дайте мне время высказаться. Чтобы вы поняли.

Много лет назад, когда руки еще прекрасно меня слушались, а нос чувствовал запахи, от меня веяло смертью.

Не было такого больного, которого я не могла бы прочесть, высматривая на его теле буквы странного алфавита.

Мне говорили: «Ты так хорошо лечишь, Вирди-мура, прииди, полечи нас, даруй зрение этой слепой, верни разум нашим помешанным, отгони чуму». Всегда и всюду: в переулках, где несло нечистотами, или среди рядов вывешенного белья, нагретого солнцем. В ночи, когда вулкан, беснуясь, плевался раскаленными камнями. Или в спокойные, мирные дни, когда дождь накатывал внезапно, никак себя не предвещая.

Всегда и всюду я помогала им, хотя сама боялась куда больше, чем те, кого я лечила.

Но это вы знаете куда лучше меня, почтенные доктора. Медицина не требует храбрости.

Лишь навыка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вирдимура

Глава 1

О моем рождении мне известно мало. Долгие годы оно оставалось тайной. Говорили, я родилась летом. В дурное и заразное время. Накануне шел дождь, земля источала тепло, оставляя на всем налет скверны.

Кажется, был Шаббат*¹, а звезды кружились вспять.

О моей матери мне сказали лишь то, что она была нечистой и что, когда упали первые капли дождя, она посмотрела на меня. «Дочь», — сказала она, не успев призвать Господа воинств.

Она мучалась уже два дня. Она дышала, дабы облегчить мне путь. Она хотела, чтобы мое рождение стало настоящим явлением. Чтобы я пристала к берегу на корабле, полном надежд. Ей не понравилось, что во время родов кто-то засунул ей в рот тряпку, желая облегчить ее усилия. Мать не любила бежать от страданий. Обходить стороной то, что ранит. Тот, кто пришел в эту жизнь, должен принимать все: ночь, смерть, надежду, пророчество.

¹ Здесь и далее значения слов, помеченных звездочкой, смотрите в глоссарии на с. 239.

Так она говорила мне, чтобы я понимала, что осталось совсем чуть-чуть: «Еще одно усилие, дочка, почти готово, не бойся, я с тобой».

Повитуха никогда не видела такой стойкой женщины. Она помогала многим перепуганным роженицам, которые проклинали Господа ошеломляющего. Среди них были женщины разного возраста. Совсем юные, у таких — молодые, неопытные тела. Или рожавшие уже много раз, чьи мускулы уже привыкли к потугам. Но все они замыкались на собственном теле, на подходящей схватке, на продолжительной волне тошноты, сопровождающей каждое усилие.

Моя же мать думала обо мне. О моих ногах, молодящихся воздух, об округлых ладонях, которые она уже представляла окрашенными хной — на счастье. Она воображала мою голову: волосы, заплетенные золотом. Божество, которое вмещивалось и вызволяло меня. Мой запах. Мои губы, распухшие от сосания молока.

Когда же наконец я появилась, из ее горла вырвался хриплый, совсем не птичий крик, крик радости, крик прощания, крик единения с тем, что она пережила и что испытала до меня.

Затем она закрыла глаза и ушла так легко, что повитуха подумала, будто она уснула.

Меня приложили к ней на несколько минут, достаточных, чтобы биение наших сердец слилось, кожа прижалась к коже и я почувствовала ее вкус.

Меня передали в руки отца, от которого пахло ветром.

Он крепко прижал меня к себе. Прошептал мне в ухо слова тех, кому суждено выжить. Он взывал и к смерти, и к жизни. Благословил Всевышнего за то, что он взял, и за то, что оставил.

Когда мою мать заворачивали в саван, он прошептал: «Прощай, душа моя, лети к Создателю», и написал мне на лбу «Сидур сфат анешама» — будь благословенна, возлюбленная дочь, ибо благодаря тебе нам выпало на долю это мгновение.

*

То был 1302 год.

Катания была самым прекрасным городом на земле. Многолюдным. Бурлящим. Евреи, мусульмане, арабы, христиане — в нем были все. И никто не говорил на одном языке, все так или иначе употребляли понемногу все наречия. Мы понимали друг друга с улыбкой, с любовью, с ненавистью. Порицая или призывая чужого Бога.

Моего отца не волновало, чей Бог важнее, как то предписывали законы, он думал, что Бог придет на помощь любому. Он не жаловал тех, кто хотел все расставить по местам. Он любил людей неблагоразумных,

запутавшихся, вольнодумных. Для него не было различий между людьми, как и между больными. Любой, кто чувствовал боль, будь то в теле или в душе, заслуживал его внимания. Он не ждал, пока страждущие придут к нему. Он сам ходил по городу, опережая их.

Катания металась между огненной горой и морем. Город походил на огромное истерзанное животное, на усеянной вулканическими камнями спине которого трудился в муках людской род. Меж руинами римских терм и театром сгрудились торговцы, шайки проходимцев, солдат, наемников. Кто-то собирал налоги, кто-то мыл лошадей у источника или в порту. В тамошних тавернах трактирщики ругались с каталонцами, которых ненавидели, считая, что они могут сглазить. Вокруг дворов вились узенькие улочки, где женщины отдавались просто так или по любви. Были там и безымянные площади, как, например, «платеа манья», с одной стороны упирающаяся в башню собора, а с другой — в здание суда, Лоджу деи Джурати, вокруг которого крутились золотых и серебряных дел мастера и стряпчие.

Любой, кто работал или учился, распределялся в соответствующую страту, ревностно охранявшую свои привилегии. Так, например, в страте цирюльников числилось пятнадцать человек, и они имели право стричь и приводить в порядок бороды всем, за исключением евреев, турок и тех, кто проживает в верхних регионах

Тринакрии², за Неаполем. Королевские парфюмеры могли продавать травы и изготавливать любые отвары, кроме рвотных или вызывающих удушье, за исключением тех случаев, когда такие отвары нужны были для убийства врагов. Хирурги (которые, однако, почитались ниже докторов) и мясники имели право вскрывать вены и делать теплые ванны.

Но никто из них, решительно никто — подвергались ли они гонениям или имели знаки отличия, — не мог проникнуть за стены, где открывались шесть дверей, за которыми рос странный пряный мох, из которого мой отец — маэстро Урия — делал снадобья.

Склонившись над камнями, он сковыривал мох медным ножом. Нюхал. Собирал, смешивая с водой и слезами. Он говорил, что три элемента — камень, трава и лава — способны излечить тело. А вот слезы излечат сердце.

Он был самым молодым врачом еврейского квартала, мой отец. Он получил лицензию всего в двадцать лет. Он был на редкость высок. Глаза грека, лоб еврея.

Если бы вы его видели, почтенные доктора.

На нем были надеты тфилин*. Густые брови хмурились от солнечных лучей. Когда он шел, его взгляд

² Тринакрия — королевство, существовавшее в Средние века. Включало в себя Сицилию и Южную Италию. — *Здесь и далее прим. пер.*

следил за Полярной звездой, он утверждал, что под ней лучше чувствует счастье. Но он никогда не забывал о земных скорбях, потому что они были частью всемирного языка, некой идиомой, в которой сосуществовали и дети, и старики, и животные.

Мой отец свободно говорил на арабском, арамейском, сицилийском. Читал стихотворения Данте Алигьери, и — хотя и не был христианином — гимны отца Франциска.

То, что подобное чтение — одна из составляющих врачебного искусства, он усвоил еще в юности, когда был боязливым и осмотрительным. Он схватывал знания везде, где только мог: на улице, из разговорного языка, из поэзии. Все казалось ему частью ширящейся родины.

Когда он шел по улицам, женщины украдкой поглядывали на него. Они перешептывались, разглядывая его большие руки, умевшие управляться с ланцетом, точно с кистью. Мечтали о горячих встречах. Смачивали губы в надежде заполучить поцелуй. Улыбались, пересмеивались и лишь ради приличий отворачивались.

Но все хотели Урию, самого высокого еврея, самого сильного, святого. Который умел и вправить сломанную бедренную кость после падения с лошади, и усмирить одержимого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru